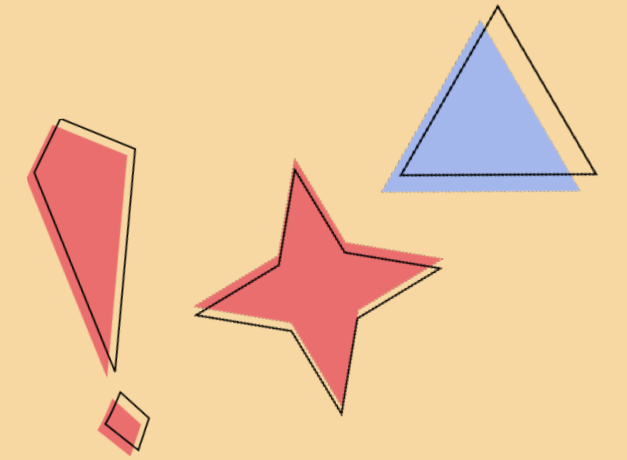

Конец 1980-х как переломный момент в литературе

Гласность вернула литературе свободу,
память и общественный голос.

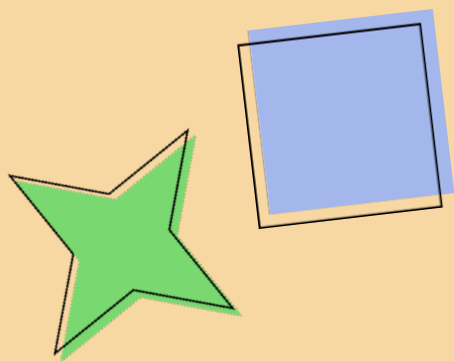

Литература в эпоху перемен

К середине 1980-х советский литературный порядок заметно ослаб: официальный канон расходился с реальным опытом, а журналы и издательства начали осторожно расширять границы допустимого. На поверхность вернулись тексты, долго скрытые от читателя.

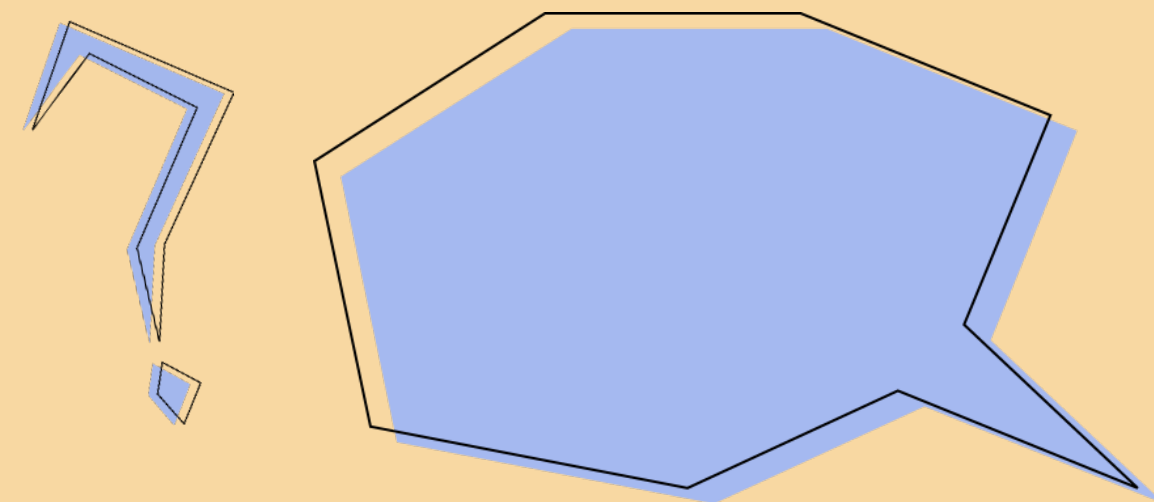

Гласность и расширение читательского пространства

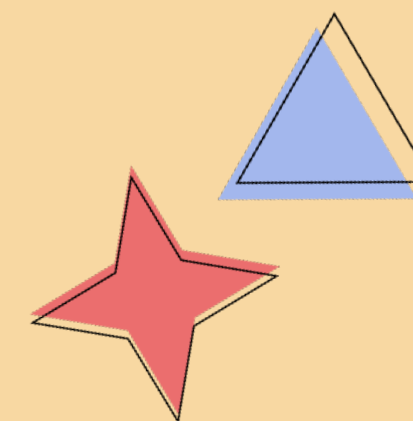
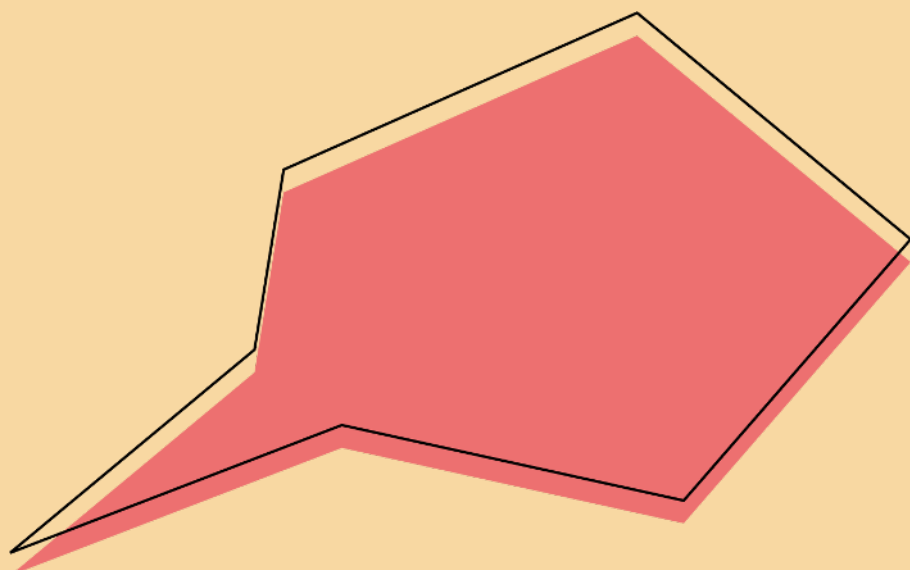

Публикация прежде запрещённых произведений стала символом новой эпохи: в печати появились тексты, существовавшие только в самиздате, зарубежных изданиях или читательской памяти.

Толстые журналы — «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Дружба народов» — превратились в главные площадки литературного спора, где обсуждали не только эстетику, но и историческую правду.

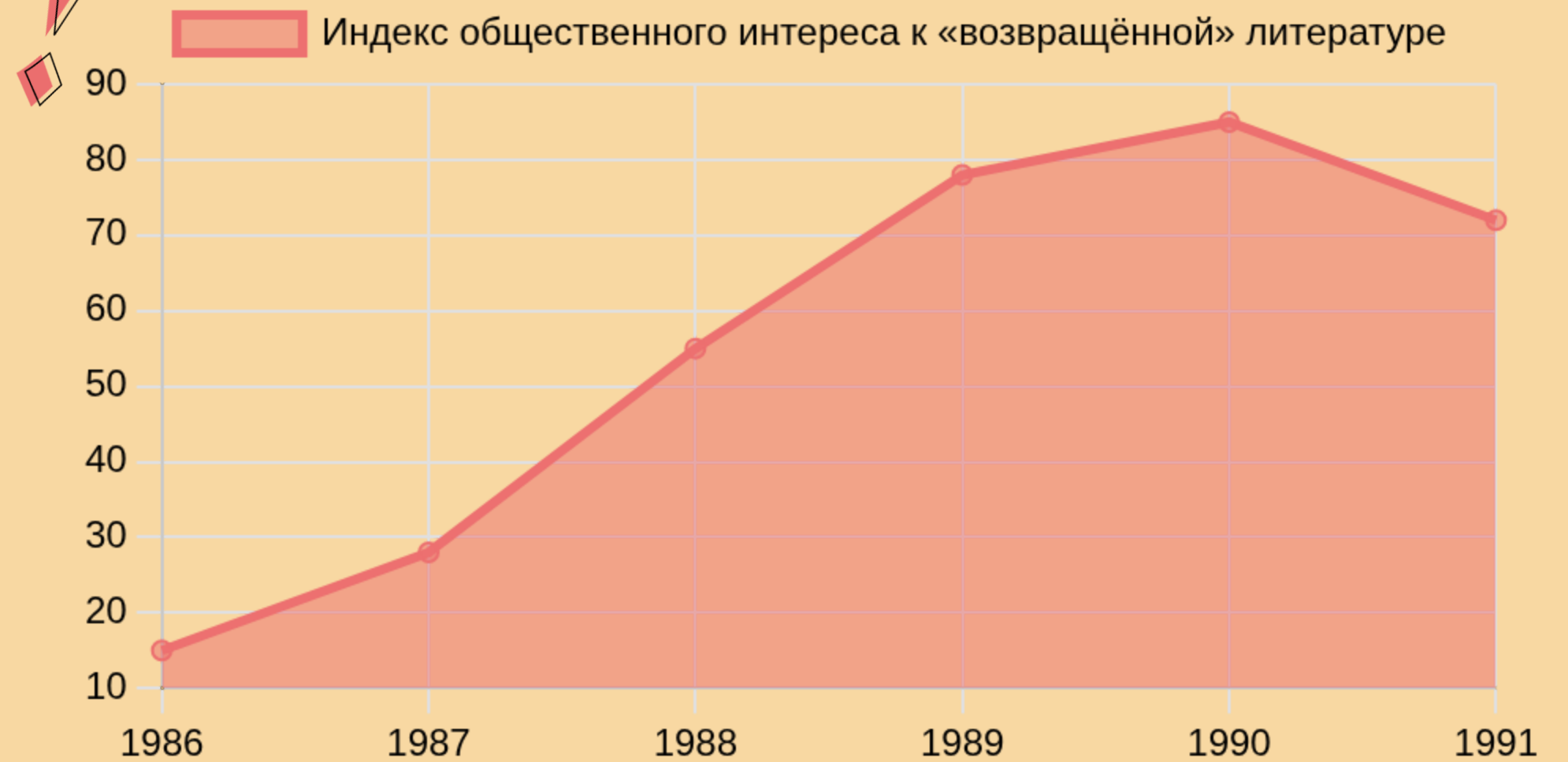
Читатель получил доступ к темам ГУЛАГа, коллективизации, войны, эмиграции и внутренней несвободы, а литература стала пространством общественного самоосмысления.

Рост интереса к «возвращённой» литературе

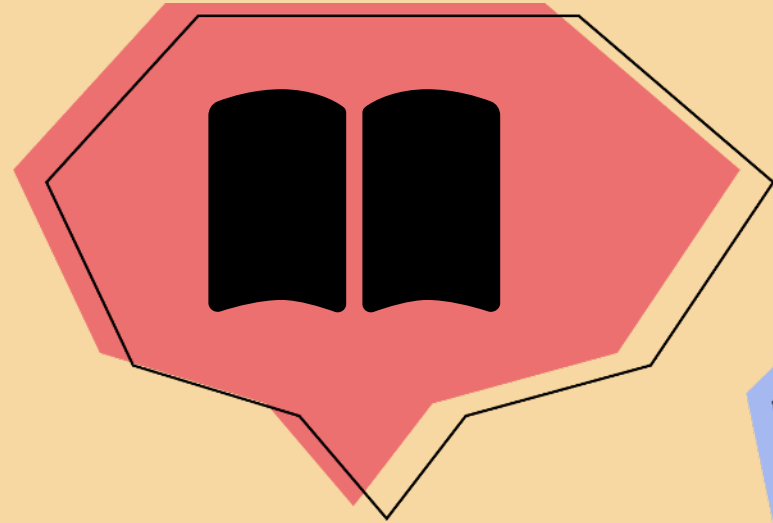
График отражает не точную статистику, а общую динамику заметности публикаций и читательского отклика в конце десятилетия.

Наибольший подъём приходится на 1988–1990 годы: именно тогда возвращённые тексты стали массовым культурным событием.

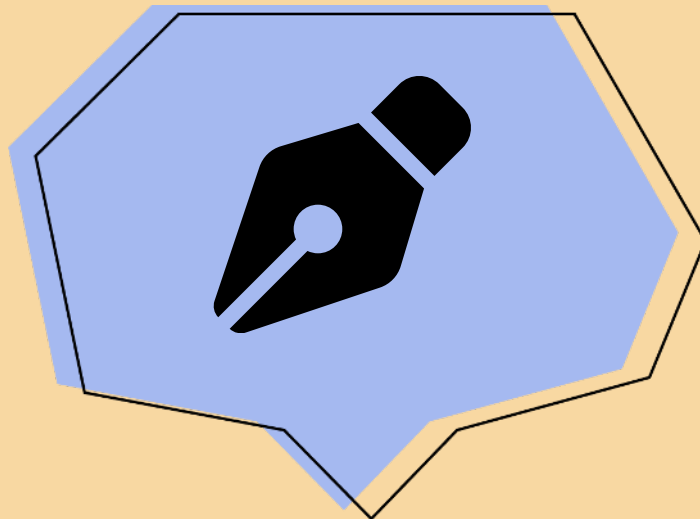
Схематическая визуализация по материалам литературной периодики и издательской динамики 1986–1991 годов; точные сводные данные по всем изданиям не унифицированы.

Возвращение запрещённых имён и текстов

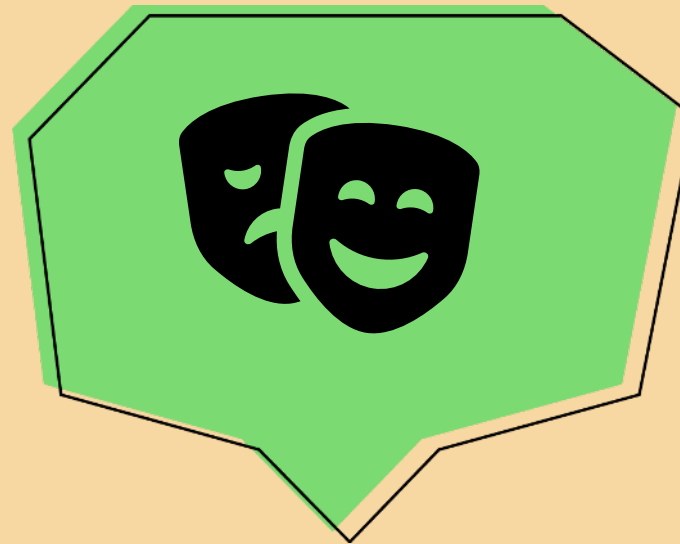
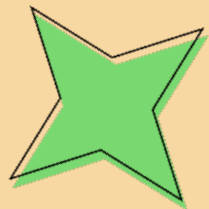
Солженицын

Его произведения вернули в литературу масштабную тему лагерного опыта и поставили вопрос о цене исторического молчания, личной ответственности и праве на прямое свидетельство.

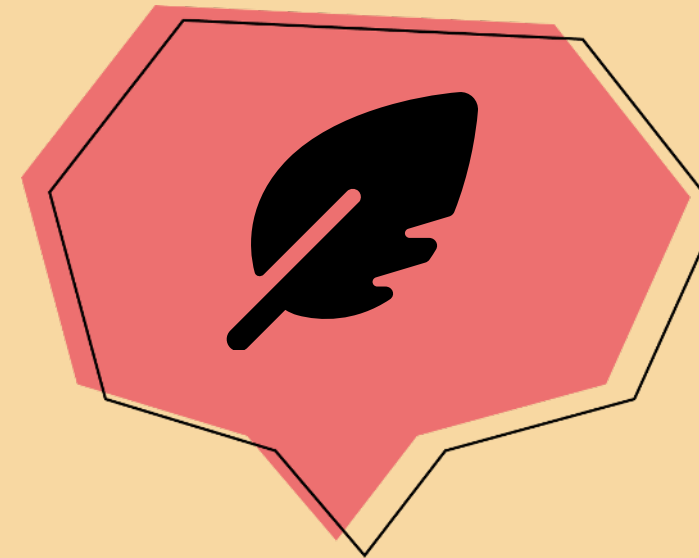
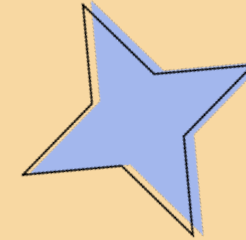
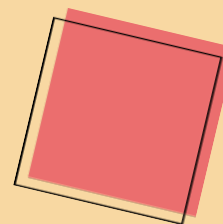
Шаламов

Лагерная проза Шаламова показала предельную жестокость системы через сдержанную, почти документальную интонацию, усиливая ощущение нравственного испытания человека.

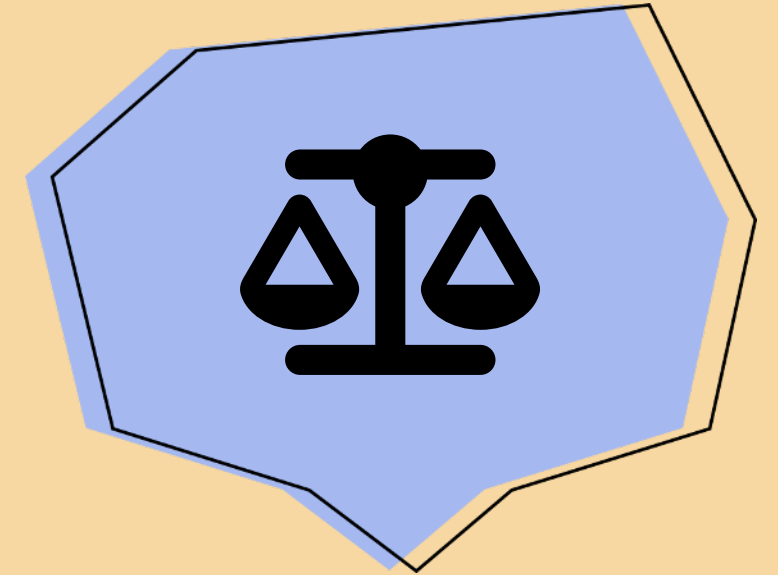
Булгаков и Платонов

Возвращение их текстов расширило границы советского канона: литература обрела сложный язык иронии, метафизического сомнения и критики обезличенной реальности.

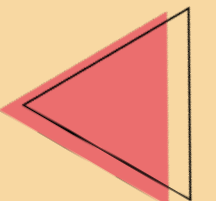
Пастернак и Мандельштам

Их поэзия и проза утвердили ценность внутренней свободы, культурной памяти и художественной честности, которые в конце 1980-х стали особенно востребованы.

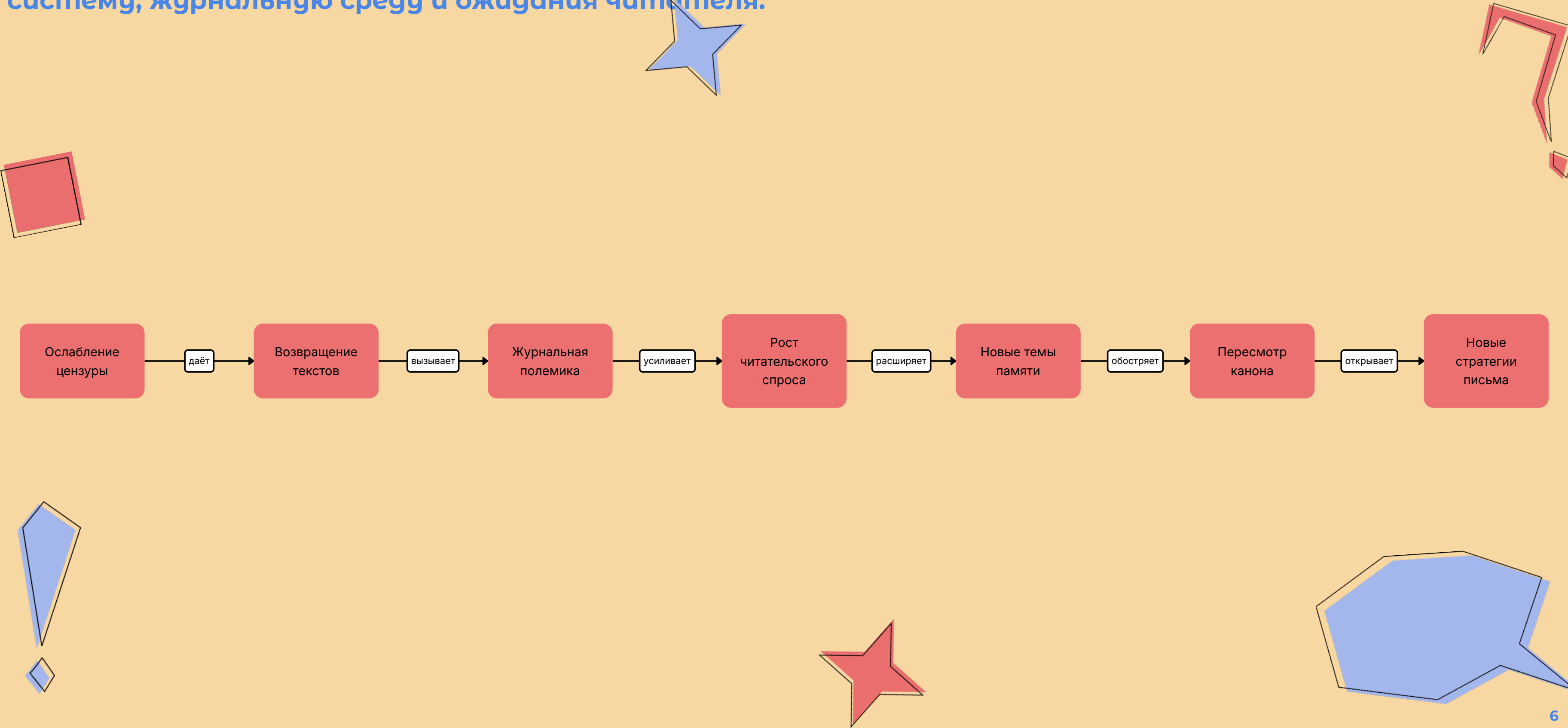
Новая мера правды

Школьное чтение этих авторов помогает увидеть, как художественный текст соединяет нравственный выбор, историческую память и конфликт между официальной риторикой и жизнью.

Как менялся литературный процесс конца 1980-х

Схема показывает, как политические перемены последовательно перестраивали литературную систему, журнальную среду и ожидания читателя.

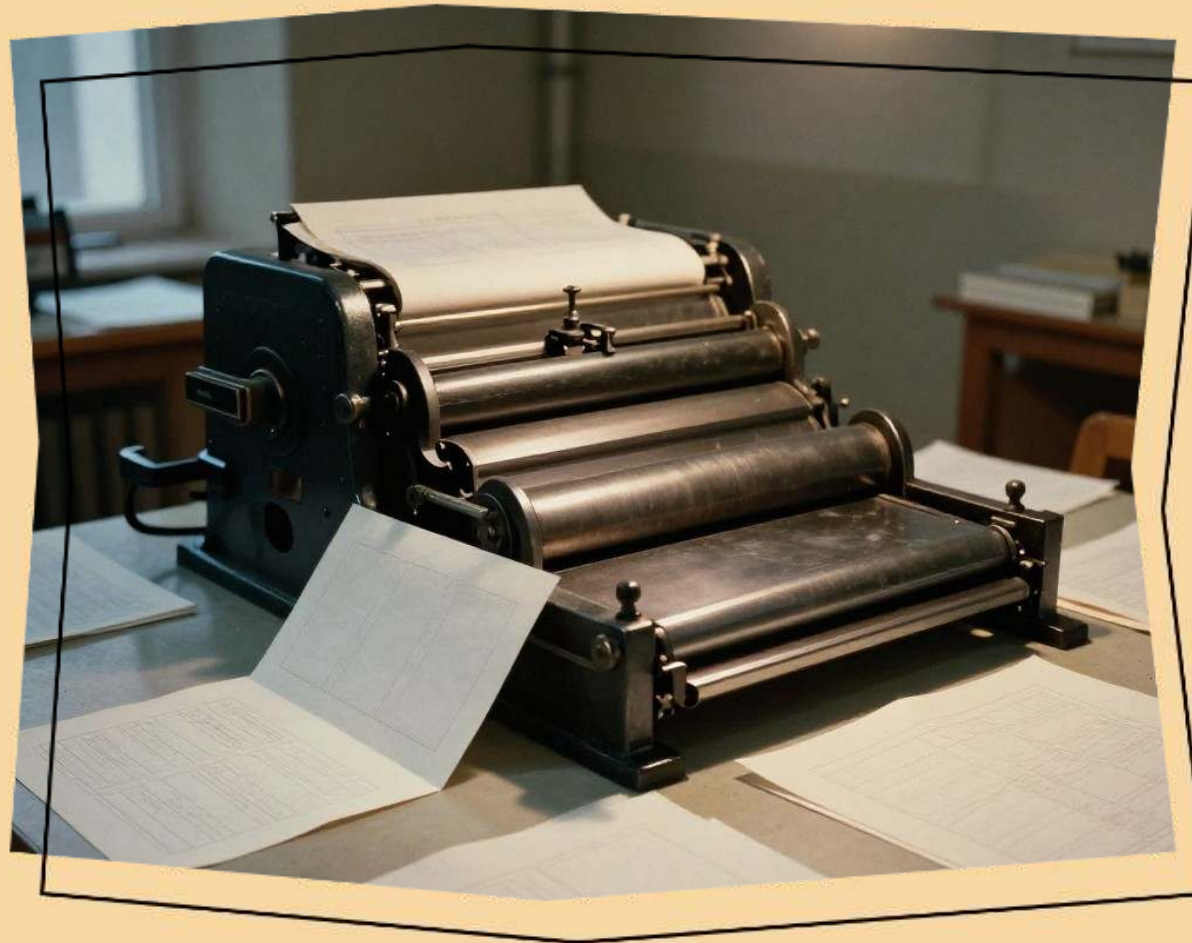

Толстые журналы как центр литературной жизни

Очередь за новым номером

У киоска и в библиотеке собирались читатели, которые ждали не просто журнал, а событие. Один выпуск мог стать предметом споров в семьях, школах и на работе, потому что публикация воспринималась как публичное признание ранее скрытой правды.

Журнал как трибуна

«Новый мир», «Октябрь», «Знамя» и «Дружба народов» печатали тексты, о которых спорили на уровне гражданской позиции. Обложка, крупная публикация и редакционная подборка создавали ощущение, что литература снова говорит от имени общества.

От страницы к разговору

Лагерная проза, деревенские тексты и острые публикации о моральном распаде системы мгновенно выходили за пределы литературной среды. Их обсуждали как свидетельство времени, а не только как художественное произведение.

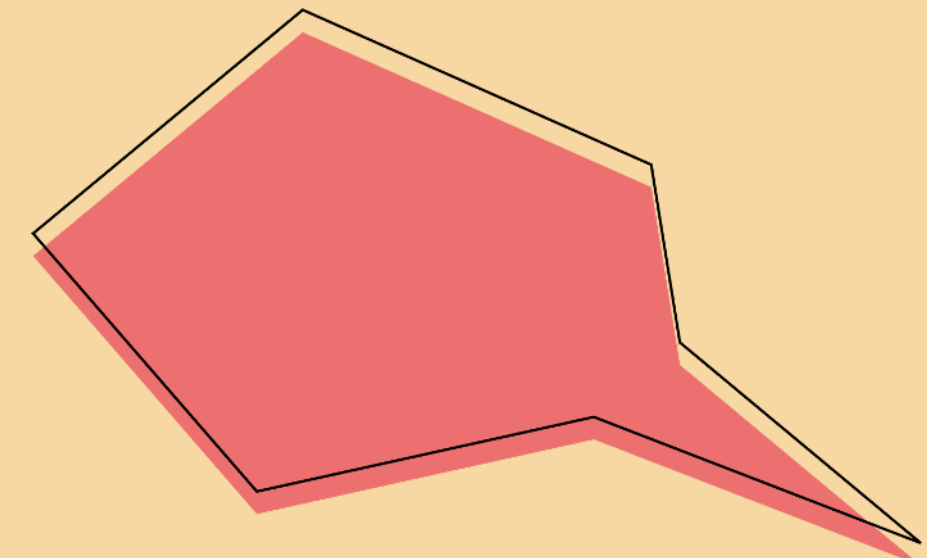
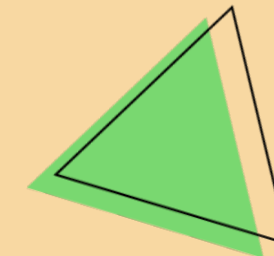
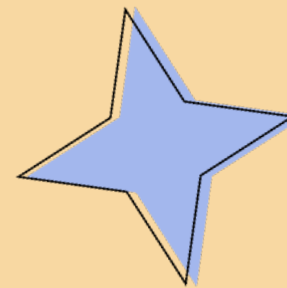
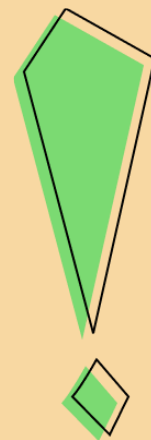
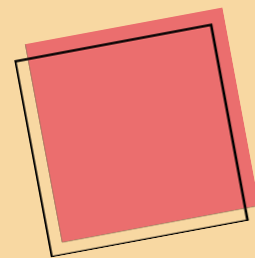
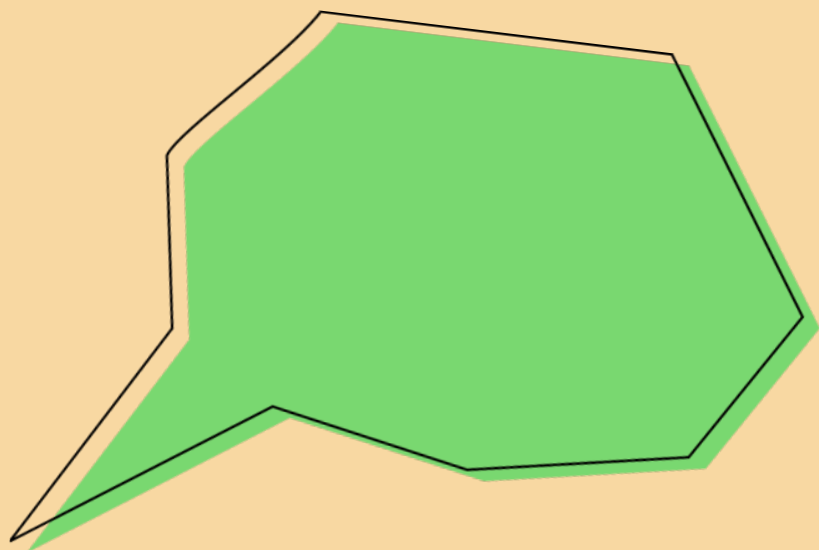
Новая правда о репрессиях и лагерной теме

«Архипелаг ГУЛАГ»
Солженицына и лагерная проза
Шаламова стали ключевыми
источниками для понимания
того, как литература
фиксирует опыт насилия,
страха и уничтоженной
человеческой судьбы.

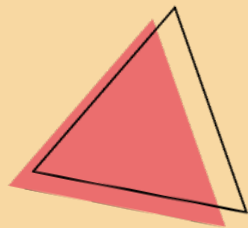
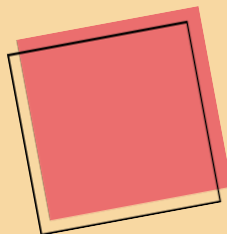
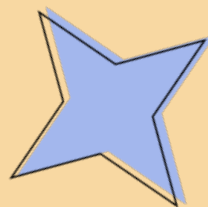
Эти тексты важны не только
темой, но и способом
говорения: сухая
документальность,
предельная точность детали
и отсутствие риторики
усиливают доверие к
свидетельству.

В школьном анализе репрессии
связываются с исторической
памятью, вопросом о цене
молчания и с тем, как личная
биография становится частью
общей трагедии.

Литература конца 1980-х
возвращает не только
события, но и язык памяти: она
учит различать официальную
версию прошлого и живое
человеческое свидетельство.

Главные тематические сдвиги в литературе конца 1980-х

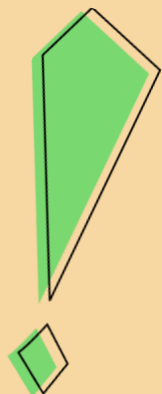
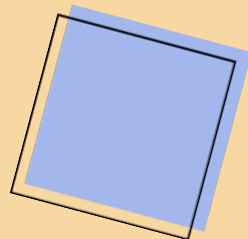
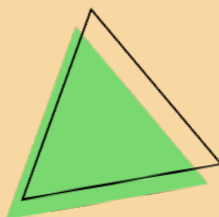

Тема	Проявления	Значение
Репрессии	Лагерная проза	Историческая память
Война	Трагический взгляд	Переоценка опыта
Деревня	Кризис уклада	Нравственная грама
Личность и свобода	Конфликт с системой	Внутренняя несвобода
История и память	Возвращённые сюжеты	Общественное самоосмысление

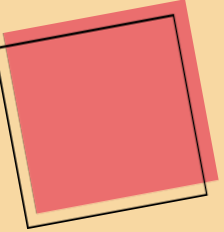
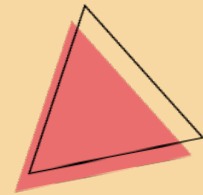
Таблица показывает, как менялись ключевые темы и их художественное значение.

Литература перестала быть только идеологическим инструментом: она стала пространством разговора о прошлом, ответственности и цене исторической правды.

Обобщение литературного процесса конца 1980-х по материалам периодики и школьного литературоведческого канона.

Деревенская проза и нравственный кризис

Начало 1980-х

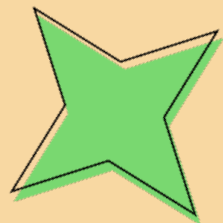
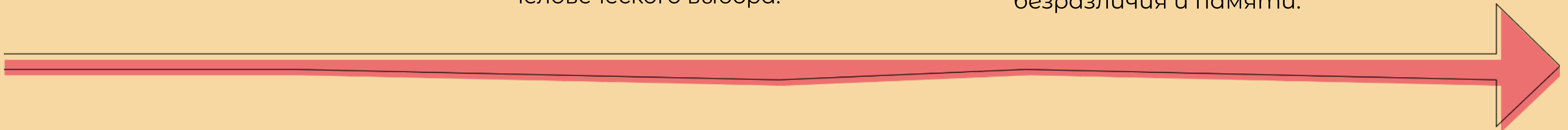
Деревенская проза уже утвердила тему ответственности человека перед землёй, памятью и родом. Её авторы показывали, что разрушение традиционного уклада означает и нравственные потери.

Конец 1980-х

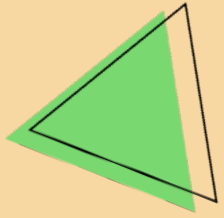
В произведениях Распутина, Астафьева, Абрамова и Белова усиливается мотив распада привычного мира. Экологические, исторические и этические проблемы звучат как единый кризис человеческого выбора.

Для современного чтения

Эти тексты помогают увидеть конфликт между личной совестью, государственной логикой и утратой корней. Для старшеклассников они особенно важны как разговор о цене безразличия и памяти.

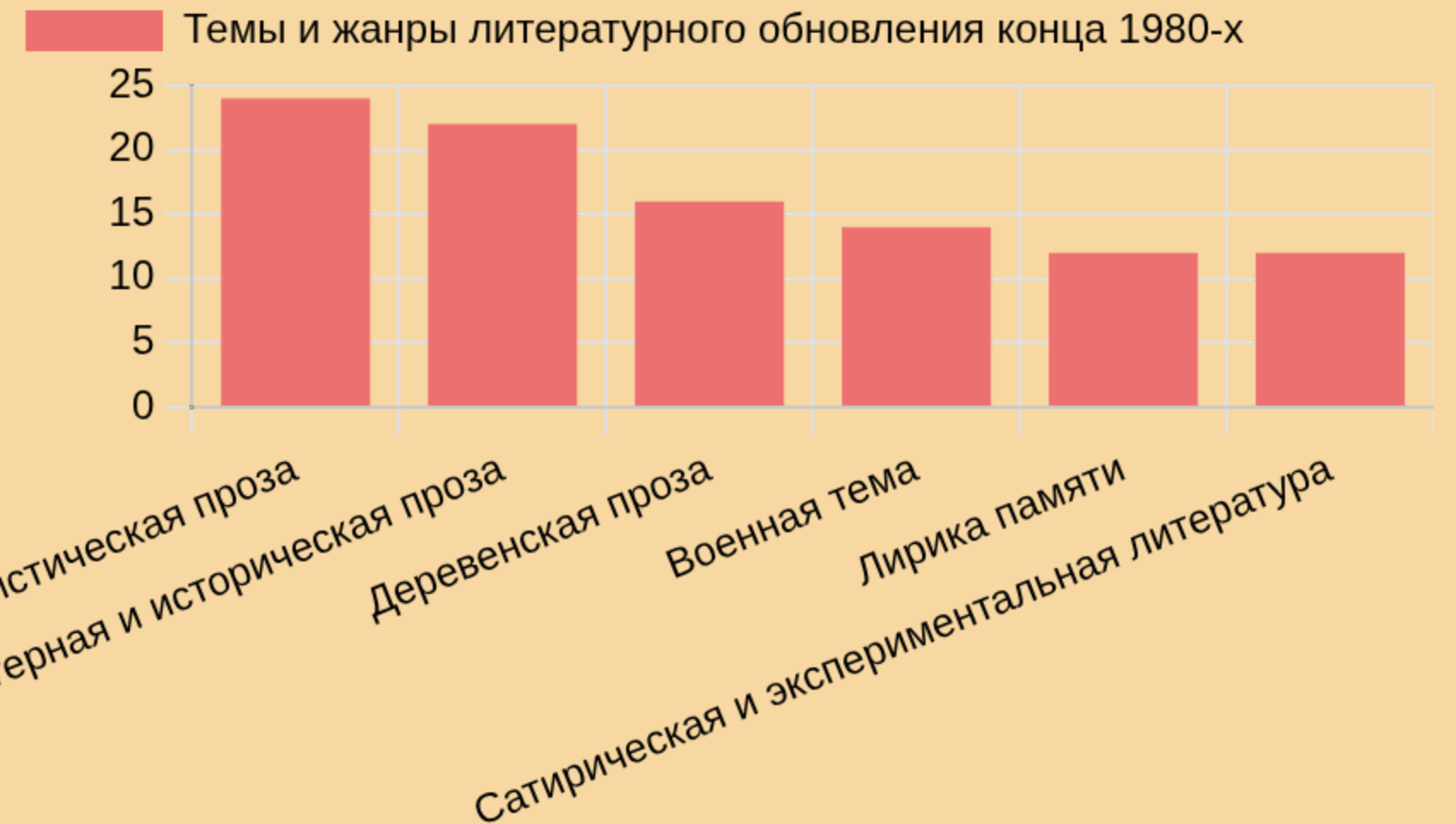
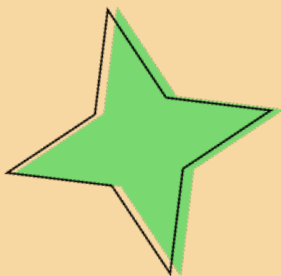

Темы и жанры литературного обновления

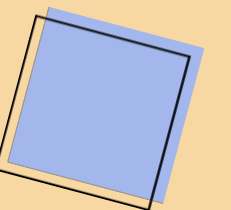
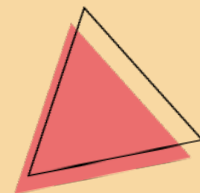

Наиболее заметные тексты часто сочетали художественный рассказ с прямым нравственным высказыванием и публицистической остротой.

Доминировали формы, позволяющие говорить о травматическом опыте и общественной правде без идеологической маски.

Схематическая тематическая оценка по публикациям и литературной дискуссии конца 1980-х годов.

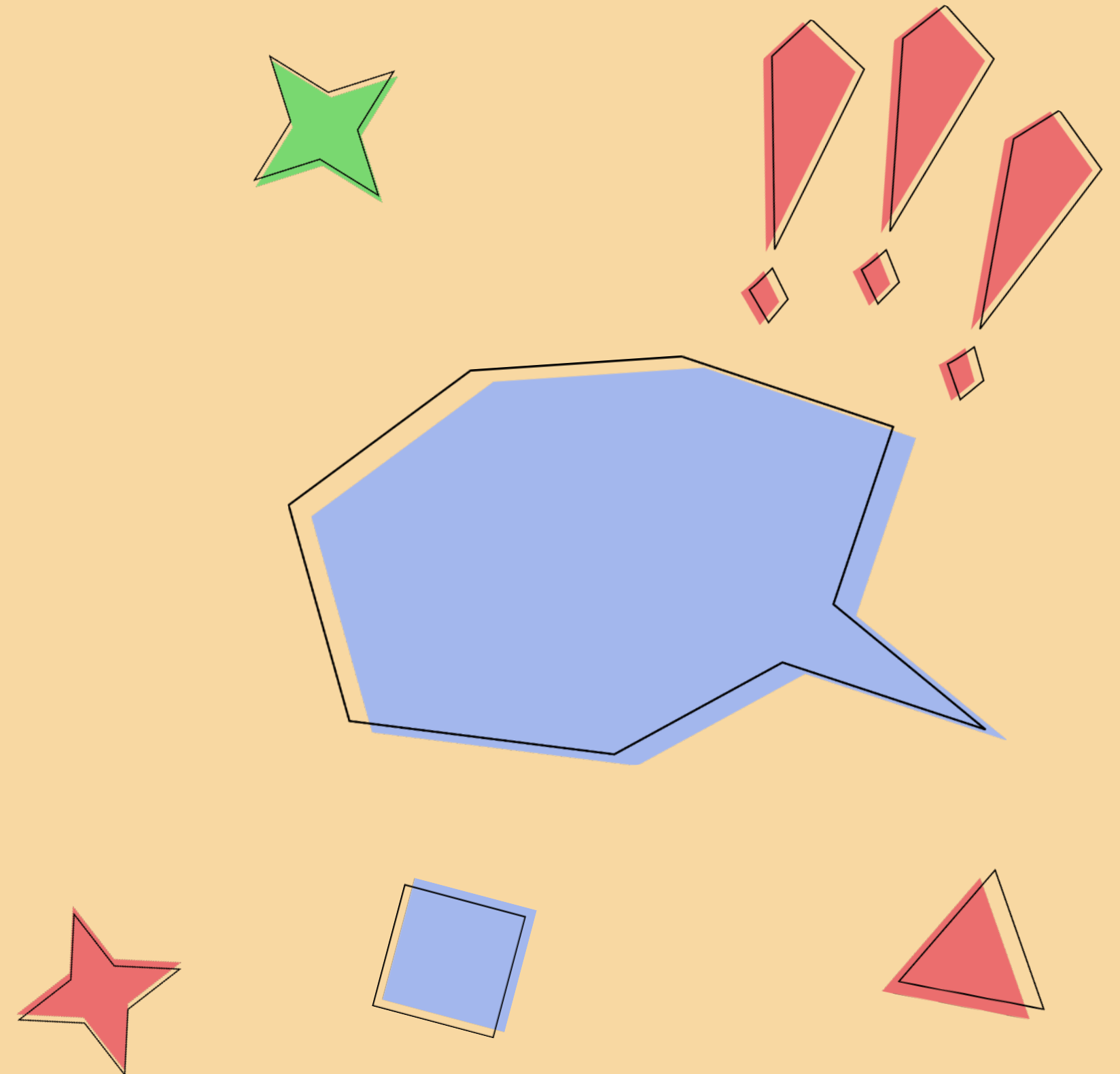
Поэзия конца 1980-х: память, свобода, личная интонация

Поэзия усилила исповедальность: личный опыт, сомнение и внутренняя свобода стали важнее декларативной риторики, а интонация — более доверительной и напряжённой.

Стихи всё чаще обращались к исторической вине, памяти о насилии и культурной преемственности, связывая судьбу отдельного человека с судьбой страны.

Значимым оставался голос поэтов, для которых слово было формой нравственного выбора; читатель ожидал не украшения речи, а честного разговора.

Конец десятилетия закрепил интерес к разрыву поколений и поиску подлинного слова, способного удержать сложность времени без упрощения и лозунгов.

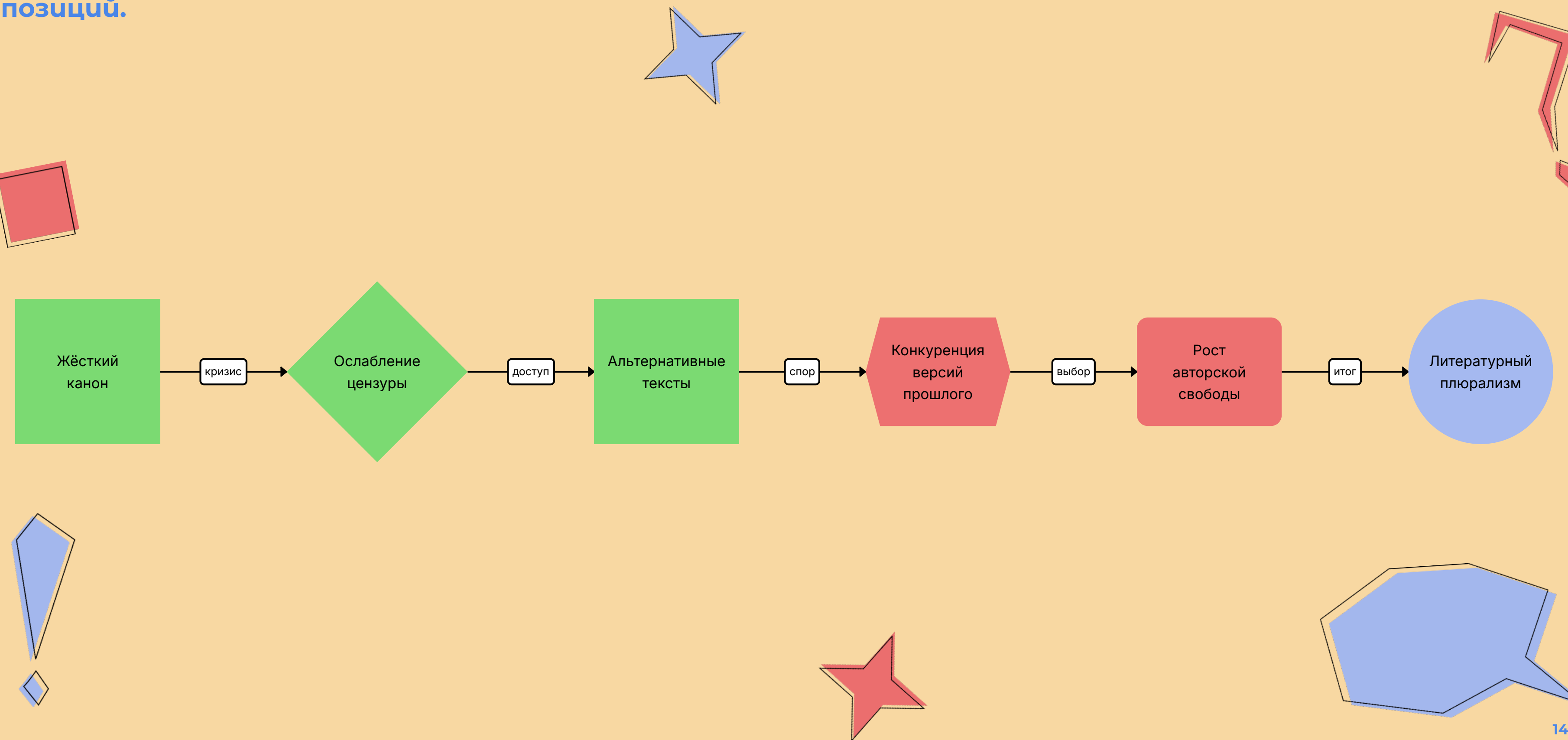
Читатель и писатель в новой культурной ситуации

- ❑ Литературный авторитет больше не задавался только официальным статусом: писатель становился публичным собеседником, а текст — поводом для открытого спора о прошлом и настоящем.
- ❑ Читатель перестал быть пассивным потребителем печати: очереди за журналами, обсуждения в библиотеках и на встречах с авторами сделали чтение формой гражданского участия.

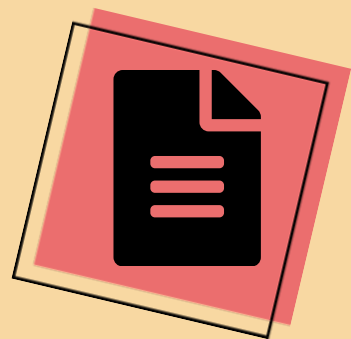

От цензурной системы к литературному плюрализму

Логика перемен в литературе конца 1980-х: от жёсткой нормы к множеству авторских и исторических позиций.

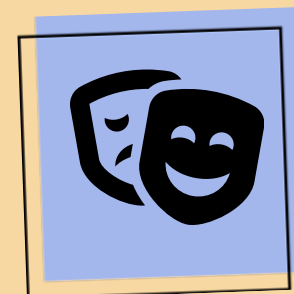
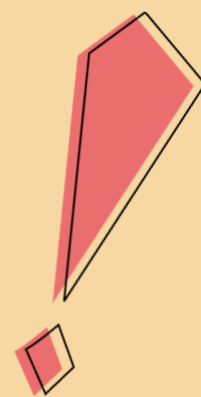

Новые формы письма и эксперимент

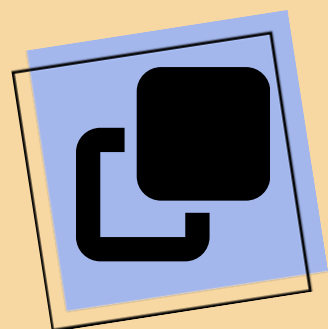
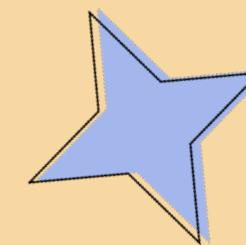
Документальная проза

Факты, свидетельства и личные истории начинают работать как самостоятельный художественный материал, усиливая доверие читателя к изображаемой реальности.

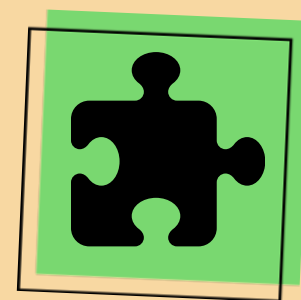
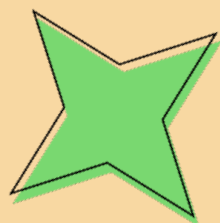
Сатира и публицистичность

Резкая интонация позволяет говорить о общественных противоречиях прямо, без сглаживания, соединяя литературную выразительность с критикой действительности.

Монтаж и цитатность

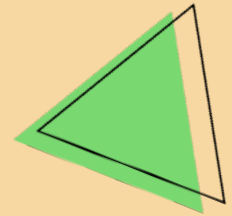
Текст строится из фрагментов, чужих голосов и разнородных источников, что помогает показать разорванность эпохи и спорность любой единственной версии.

Пограничные жанры

Проза В. П. Аксёнова, Т. Н. Толстой и Л. С. Петрушевской демонстрировала интерес к смешению частной судьбы, символа и ощущения распада прежнего мира.

Литературные события 1987–1990 годов

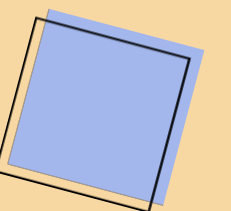
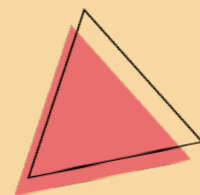
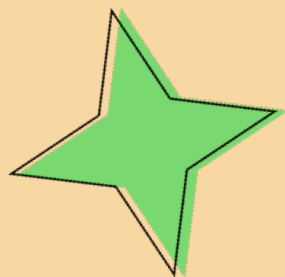

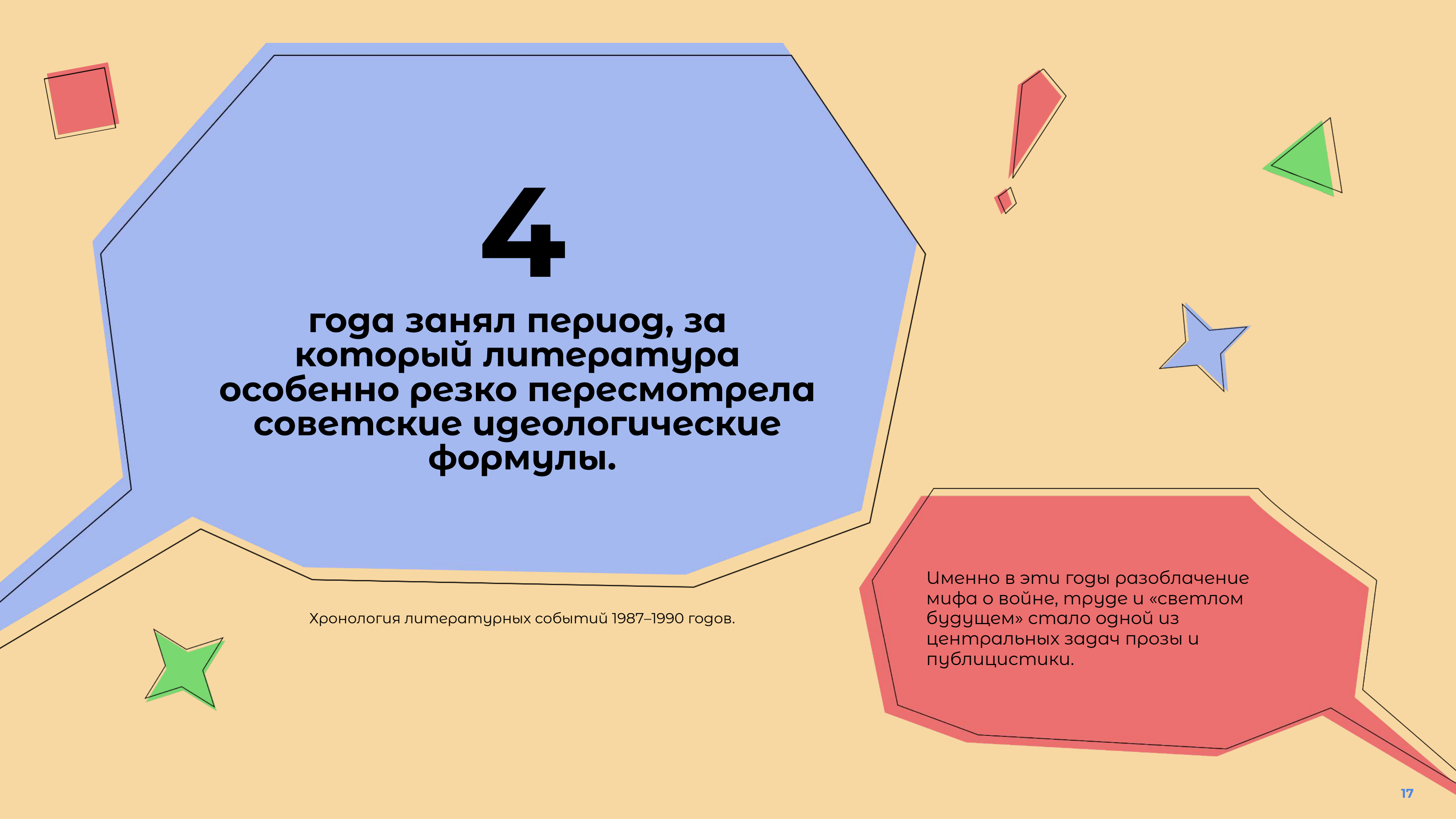
К концу периода журнальная публикация стала не только способом печати, но и механизмом общественного обсуждения литературных перемен.

Пик интереса пришёлся на 1989 год, когда литературный процесс окончательно вышел за рамки узкопрофессиональной среды.

Хронология литературной жизни конца 1980-х; условная схема динамики по этапам 1987–1990 годов.

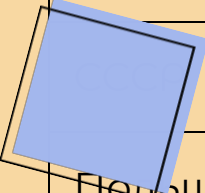
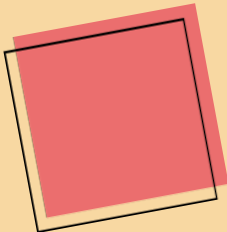
4

**года занял период, за
который литература
особенно резко пересмотрела
советские идеологические
формулы.**

Хронология литературных событий 1987–1990 годов.

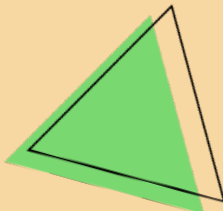
Именно в эти годы разоблачение мифа о войне, труде и «светлом будущем» стало одной из центральных задач прозы и публицистики.

Сопоставление литературных процессов в СССР и Восточной Европе

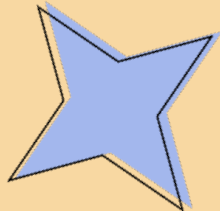

Регион	Ситуация	Итог
	Возврат текстов	Переоценка канона
Польша	Диссидентская печать	Альтернативный голос
Венгрия	Расширение свободы	Мягкая либерализация
Чехословакия	Самиздат	Независимая среда

Обобщение литературно-исторических процессов конца 1980-х в СССР и странах Восточной Европы.

Сравнение показывает, что культурное обновление конца 1980-х затронуло весь социалистический мир, хотя в каждой стране шло по-своему.

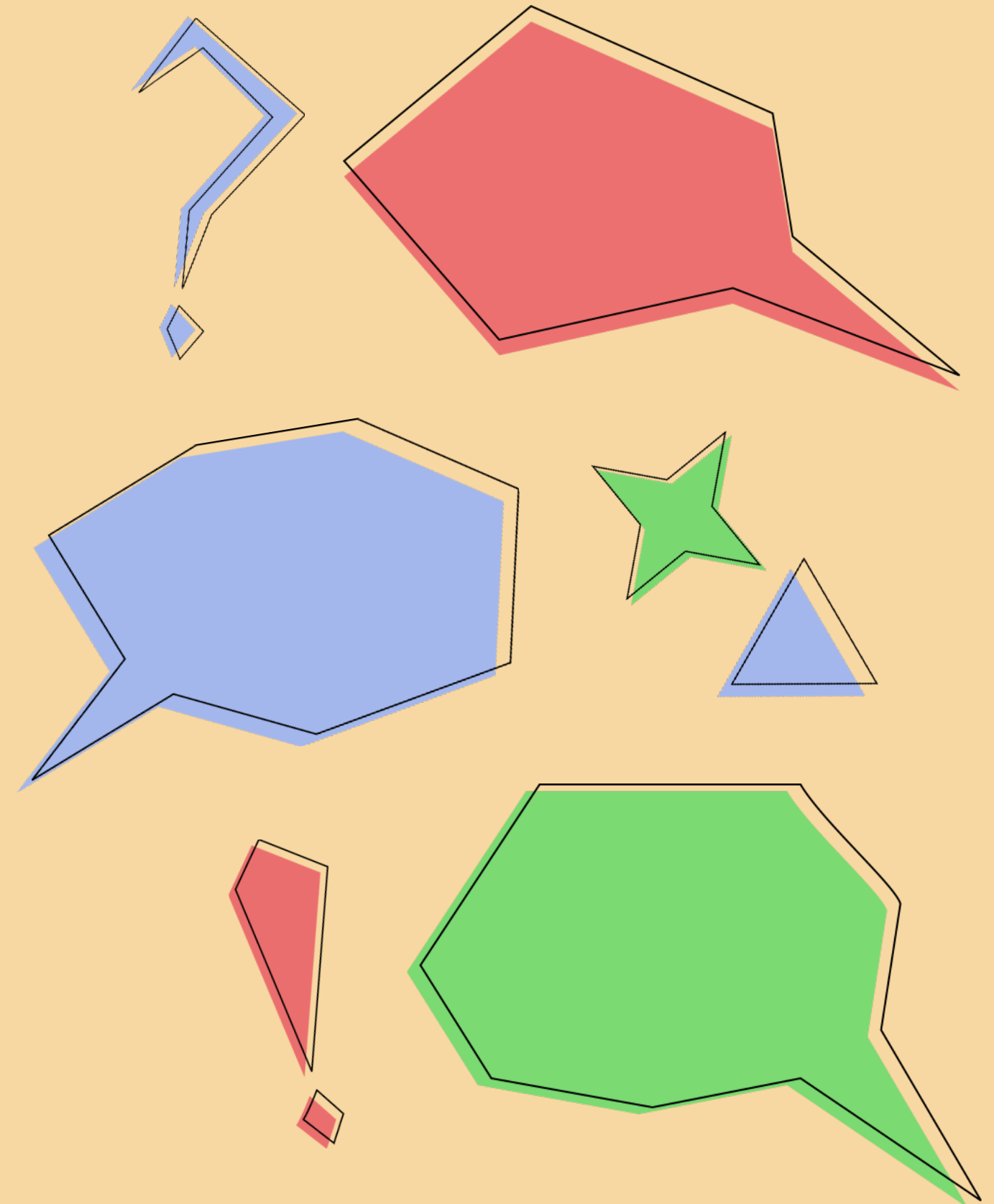
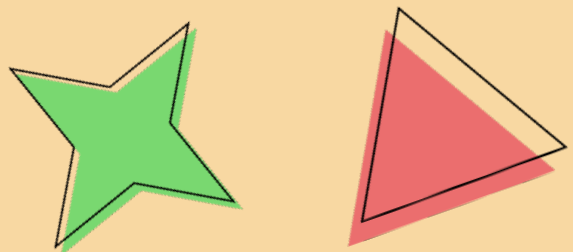
Во всех случаях литература становилась пространством общественного самоопределения и выхода за пределы официальной версии действительности.

Главный итог литературной эпохи конца 1980-х

Литература вернула себе право говорить о запретных темах — репрессиях, войне, исторической вине и личной ответственности — без обязательной идеологической оглядки.

Читатель получил доступ к разным типам правды: документальной, художественной, семейной и памяти, а вместе с ним — привычку к самостоятельной оценке текста.

Именно этот опыт подготовил литературу 1990-х, где сосуществовали разные школы, жанры и мировоззрения, а единого обязательного центра уже не существовало.

Конец 1980-х: когда литература снова стала разговором о правде

**Этот период изменил не только круг читаемых
текстов, но и саму роль литературы: она вновь
стала формой общественного мышления, где свобода
слова, память и нравственный выбор приобрели
особую цену.**

